

ГУРИН С.П.,
доктор философских наук, профессор

РЕВОЛЮЦИЯ КАК ПРОБЛЕМА ФИЛОСОФИИ И БОГОСЛОВИЯ

В связи с приближением столетнего юбилея Русской революции вновь разгораются споры о ней. Уже нет в живых людей, участвовавших в революции и лично заинтересованных в искажении каких-то фактов, и вроде бы нет политических сил, заинтересованных в фальсификации истории. Казалось бы, за сотню лет все спорные моменты могли быть обсуждены, на все вопросы должны быть даны ответы.

Однако это не так. Есть множество фактов, документов и свидетельств, но нет единства в разнообразии мнений, нет единого описания и объяснения феномена революции, нет общего знаменателя в понимании смысла и сути революции, нет согласия в ее оценке.

Люди резко расходятся в своем отношении к революции. Они делятся на тех, кто революцию признает, приветствует, защищает, восхищается ею; и тех, кто революцию критикует, осуждает, разоблачает. В многообразии фактов можно обнаружить все что угодно, в калейдоскопе событий можно выбрать то, что послужит для подтверждения любой теории.

Существует множество точек зрения на революцию: исторические, социологические, экономические концепции спорят между собой. Есть и философские концепции: от марксистской до фрейдистской и постмодернистской. Но дело не только в политических симпатиях и философских предпочтениях того или иного человека. Возможность самых разных подходов и противоположных оценок обусловлена

реальной сложностью понимания феномена революции, ее парадоксальностью.

Любое обращение к теме революции, размышление о ней вызывает сложный комплекс чувств и мыслей, которые очень трудно соединить в единую картину, непротиворечивое описание. Не будет ошибкой предположить, что даже те, кто революцию осуждает, все равно ощущают двойственность революции, чувствуют ее притягательность, энергетику, романтику. Есть некая тайна революции, которая никому не позволяет оставаться равнодушным.

И дело не только в том, что тема революции была одной из основных в течение всего XX века, и не в том, что она вновь стала актуальной в начале XXI века в связи с цветными революциями. Вопрос о революции затрагивает некие фундаментальные аспекты не только жизни общества, но и всего человеческого бытия. Вопрос о революции действительно принципиален, потому что тот или иной ответ на него предполагает принятие определенной системы отсчета, системы координат, иерархии ценностей, принципов. Тот или иной ответ с необходимостью влечет за собой постановку конкретных задач и выбор отдаленных целей, определенную тактику и стратегию, а также соответствующее действие.

Сама идея революции не просто порождает диаметрально противоположные мнения, оценки. Она пробуждает тайные смыслы, неведомые силы, создает высокое напряжение мысли, вызывает столкновение смыслов, «короткое замыкание». Революция — это сгущение времени, концентрация событий, взрыв социальной энергии, переворачивание иерархий, перемена смыслов. Она завораживает любого человека, гипнотизирует, пугает и притягивает, вызывает когнитивный диссонанс.

Очевидно, что существует некий парадокс революции. Революция как будто нарочно вся соткана из противоположностей и противоречий, несовпадений и несоответствий,

смешений и смещений. В революции совмещается несовместимое, сочетаются несочетаемые смыслы, сталкиваются архаика и модерн, прагматизм и утопия, мифология и социальные технологии, разум и безумие, наивность и подлость, подвиги и преступления, жертвы и палачи (со всех сторон).

Тема революции — острая, болезненная, актуальная, и не только сегодня, но и всегда. Вопрос о революции — это вопрос конкретный, практический, но и одновременно философский, метафизический вопрос, имеющий глубину, отсылающий к вечности, хаосу, бездне и трансценденции. Возможно, что вопрос о революции из ряда вечных вопросов, таких как смерть, Бог.

Поэтому необходимо философское и богословское осмысление революции. К тому же феноменология революции дает нам богатый материал для мифологического описания феномена революции. Можно говорить о мифологеме революции, наличии в ней архаических смыслов, мифологических фигур, сюжетов.

Представляется очевидным, что в любой революции обязательно присутствуют сакральное пространство (места событий революции) и сакральное время (начало революции и новый календарь), сакральный язык (переименование городов и улиц, учреждений и организаций), сакральное насилие (гражданская война) и сакральная жертва (смерть первых революционеров, с одной стороны, и казнь короля или царя — с другой). Всегда есть герои и антигерои, жертвы и палачи, которые иногда меняются местами, превращаясь в свою противоположность.

Также в любой революции присутствует фигура трикстера, провокатора или предателя. Причем его роль амбивалентна: это может быть революционный террорист или агент враждебных сил. Часто оказывается, что это один и тот же человек (*Азеф*). Часто обыгрывается сюжет путаницы истинного (тайного, скрытого) царя и самозванца (*Разин, Пугачев*).

Таким образом, оказывается, что мифологема революции очень мощная и содержательная. В ней актуализируются такие смыслы, как столкновение сил Добра и Зла, полная и безусловная истина, абсолютная справедливость, совершенное устройство общества. Все это перекликается с парадигмами Золотого Века и Конца Времен (апокалиптика, эсхатология, миллениаризм), в которых все проблемы предельно обостряются и разрешаются только самым радикальным и трагическим способом.

Поэтому необходимо рассмотреть революцию как таковую, саму по себе, а не только как момент исторического процесса или период общественных изменений и трансформаций. Каждая конкретная революция — это попытка решения накопившихся задач, разрешения проблем, лечения болезней общества, таких как несправедливость, неравенство, бесправие, бедность и т. п. Однако все эти конкретные экономические проблемы, исторические задачи не решаются полностью и окончательно, политические цели не достигаются. Любая конкретная революция всегда противоречива, недостаточна, неполноценна, несовершенна. Любая революция в истории не может быть завершена, полностью закончена, целиком исполнена, идеально реализована.

В истории мы имеем ряд, серию революций; и возникает вопрос: это разные и не связанные между собой революции или это этапы одной и той же революции? Может быть, есть только одна продолжающаяся, длящаяся, непрерывная, постоянная революция. Это перманентная революция, бесконечная и вечная. В таком случае революция предстает как способ социального бытия. Такую революцию бесполезно осуждать или отрицать, ей бессмысленно сопротивляться, с ней невозможно бороться. Если «нет у революции конца!», то получается, что революция никогда не завершается, не исполняется, не реализовывается.

Или, может быть, конкретные революции — это лишь путь к подлинной, настоящей, последней, совершенной, абсолютной революции. Возможна ли окончательная революция, после которой не будет нужно никаких революций? Что мы можем о ней знать, что мы можем для нее сделать? Почти ничего! Идея революции оказывается предельной для нашего мышления и, тем более, практики. Вопрос о революции неразрешим в пределах исторического процесса и исторически обусловленного познания.

Таким образом, революция предстает как философская проблема. На передний план выступают фундаментальные парадигмы — диалектика и метафизика. Здесь имеется в виду не только то, что возможны противоположные (диалектический и метафизический) подходы к пониманию и объяснению феномена революции, но и то, что проблема революции проявляет и обостряет их противостояние. Человек, мыслящий революцию, вынужден выбрать философский метод, осознать свою позицию в бытии. Решить для себя фундаментальные вопросы соотношения единого и многого, абстрактного и конкретного, абсолютного и относительного. И ответы не должны быть тривиальными. Абсолют и Единое могут обнаружить себя как онтологическая реальность, раскрыться как истинная сущность.

Революция как нечто предельно динамичное, изменчивое и быстротекущее может иметь вечные причины и высшие цели, уходящие в метафизические глубины. Абсолютная революция имеет постоянные смыслы, неизменную сущность. Абсолютная революция — это модель для всех конкретных революций, но только она по-настоящему реальная революция, истинная, подлинная. Все конкретные революции в истории оказываются лишь выражением, подобием абсолютной революции, а чаще ее искажением, пародией на нее.

Показательно, что сам термин «революция» с самого начала применения в науке дает основания именно для такого

понимания. Он появился в средневековой европейской традиции. Первоначально термин *revolution* употреблялся в астрологии и алхимии. В научный оборот термин вошел после издания книги Николая Коперника «*De revolutionibus orbium coelestium*» («О вращениях небесных сфер», 1543). В данном контексте революция понималась как возвращение (например, планет) к изначальному положению, естественному, правильному, гармоничному и совершенному, вечному.

Показательно, что изначальное значение слова *revolution* на латыни — «откатывание, круговорот». Конкретно, *re-volvo*: 1) катить назад; проходить в обратном направлении; *revolvi*: 1) катиться назад; вновь возвращаться¹. Таким образом, *volution* — поворот, вращение, обращение; *re-volution* — возвращение, поворачивание обратно к прежнему. Следует обратить внимание, что здесь нет слов, выражающих наше привычное понимание революции — движение вперед, изменение, развитие, прогресс, скачок. Общий смысл как раз противоположный.

Итак, революция — это возвращение, поворачивание обратно к прежнему. Но возникает вопрос: возвращение к чему прежнему, какому прежнему? Любому прежнему или какому-то особенному, к чему нужно возвратиться, нельзя не возвратиться? Из общих философских соображений можно сделать вывод, что возвращаться следует не к какому угодно прежнему, прошедшему, а только к тому прежнему, которое является совершенным, абсолютным, вечным. Если, конечно, оно действительно существует, и такое возвращение реально возможно.

О каком возвращении может идти речь? Во-первых, это возвращение в смысле времени — к началу, к благоприятному времени. Во-вторых, возвращение в мифологическом смысле — в Золотой Век, в «райское состояние»; к полноценному, истинному и благому бытию. В-третьих, возвращение

¹ Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. М., 1976. С. 881.

в аксиологическом и онтологическом смысле — к истоку, к первоначалу, к своей подлинной и совершенной природе; возвращение как восстановление полноты и целостности бытия человека.

Таким образом, в самом общем и высоком смысле возвращение следует понимать как преодоление всей человеческой ограниченности и конечности, исторической обусловленности и локальности. Используя философскую и богословскую систему понятий, можно говорить о превосхождении конкретным человеком и всем человечеством наличной человеческой природы и восхождении к идеальной (божественной?) сущности.

И тогда революция предстает как преображение человека и мира, в философских категориях — это трансцендирование, в христианских понятиях — это обожение человека. В христианской догматике не используется понятие «революция», но при таком понимании оно вполне соответствует смыслу православной антропологии и сотериологии. Однако это понятие актуализируется некоторыми современными философами в этом широком контексте.

Можно сделать вывод, что революция в широком смысле этого слова — это не только и не столько вопрос об общественном устройстве, социальных отношениях, справедливости и т. п., сколько вопрос о последних и высших смыслах человеческого бытия, который повторяется в каждой конкретной революции и отсылает к абсолютной революции. Последние и высшие смыслы лишь выражаются в конкретных исторических формах, и чаще всего редуцируются и забалтываются в реальной революции. Однако любая историческая революция заряжена смыслами и энергиями этой абсолютной революции и без них была бы невозможна.

Итак, в современной науке и политике революция понимается совсем не в том смысле, как было изначально. В современности это понятие фигурирует в контексте эволюционных

и прогрессистских концепций и обозначает переход от старого к новому, небывшему. В контексте этих представлений считается, что революция происходит вследствие назревших противоречий и приводит к переходу общества на более высокий уровень развития.

При этом совершается много насилия, решение вопроса о новом типе общества оказывается невозможным без нового типа человека. Революция оказывается незавершенной, половинчатой, частичной. Таким образом, сущность революции не только и не столько политическая, сколько нравственная, духовная. В центре любой революции проблема гуманизма, гуманности, человечности в широком смысле слова. Поэтому настоящая революция должна быть революцией человеческой, антропологической, духовной. Настоящая революция — это революция духа.

Итак, есть революция и Революция. С одной стороны — это современное, модернизированное понятие революции как скачкообразного перехода к новой стадии общественного развития, революция как момент становления, разрыв в эволюции. С другой — иное, противоположное по смыслу, радикально отличающееся изначальное (вечное?) понятие Революции.

Первичный глубинный смысл Революции, некий ее архетип — это обращение и возвращение человека к Абсолюту, то есть воспоминание о некой изначальной совершенной природе человека, и вторжение Абсолюта в нашу жизнь, в историю. Причем это движение может быть двунаправленным: как устремление человека вверх, к Абсолюту, преодолевающее все границы и пределы, так и проявление Абсолютной реальности в человеческой истории, явление Сакрального в профанном мире. Смысл настоящей Революции — это вопрос об Абсолюте.

Главная проблема любой конкретной революции и нашего отношения к революции — это смешение этих двух разных

смыслов, замена прежнего смысла новым, подмена, подстановка одного смысла вместо другого. В каждой революции сначала актуализируется изначальный смысл, представление о Золотом Веке, райском состоянии. Революционеры обращаются к архаическим группам и слоям общества². Первичный смысл успешно эксплуатируется, а потом подменяется более простыми, примитивными интерпретациями.

Создается миф о революции по всем канонам классической мифологии и драматургии. Грядущая революция представляется как чудо, в ней просвечивает нечто новое, небывшее, небывалое, невозможное. Мы становимся свидетелями и участниками того, как мифологема Революции открывается, проявляется, прорывается, воплощается, реализуется в конкретной исторической ситуации. Но потом, после столкновения конкретного человека с революционными событиями, историческими последствиями и результатами, с ним случается пробуждение и отрезвление, происходит разочарование в революции.

Вопрос об Абсолюте, который практически решается в каждой конкретной революции, возникает задолго до всех политических революций. Все развитые религии и философские системы неизбежно приходили к нему. Есть ли Абсолют? Он личностен или безличностен? Абсолют имманентен человеческой природе или трансцендентен? На эти вопросы по-разному отвечают материалисты и идеалисты, язычники и монотеисты.

Как-то так получается, что монотеисты не совершают социальных революций, трансценденталисты заняты в первую очередь изменением себя, а не общества. Не отказываясь от служения людям, они в первую очередь обращены внутрь себя, чтобы решить проблемы человеческого бытия

² См. книгу Александра Эткинда «Хлыст: Секты, литература и революция» (М., 1998), где показывается роль в Русской революции не только революционеров, но и поэтов и философов Серебряного века, а также старообрядцев и сектантов.

(например, добра и зла, жизни и смерти) самым радикальным образом, замыкая все на Божественную реальность.

При том что положение человека в монотеистической модели бытия весьма трагично и в человеческой истории победы добра над злом не предполагается, представители трансцендентализма преисполнены оптимизма в метаисторической перспективе.

А представители языческого, имманентного понимания единства бытия человека и Абсолюта (например, масоны, гностики), где все проблемы конкретного человека условны, относительно и иллюзорны, по какой-то причине склонны к активной социально-политической деятельности, в том числе и к революционной. Тем более к этому склоняются нигилисты, хотя, казалось бы, они отрицают любую возможность исправления окружающей действительности и человеческой природы.

Почему так получается? Может быть, потому, что революция (с маленькой буквы) пытается решить проблему свободы человека с позиций детерминизма, причинности, необходимости, законов, сущности, эссенции. Для решения всех проблем нужно лишь перестроить общество на новых основаниях. При этом личность никак не затрагивается, и вследствие тайны личности все по большому счету остается по-прежнему.

Революция (с большой буквы) рассматривает проблему свободы совсем иначе. Применяются персоналистические категории: грех, зло, святость, личность, воля, экзистенция. В христианском персонализме и экзистенциализме революция есть внутренняя задача человека, цель — переустройство себя. Вне христианского контекста революция становится внешней задачей по переустройству общества. Но в истории каждая революция сталкивается с неподготовленностью, неготовностью людей к новым отношениям.

Принципиально то, что, как представляется, задача социальной революции не решается в отрыве от революции духовной, личностной, без внутреннего добровольного

изменения человека по образу и подобию Бога. А при решении второй задачи — первая решается сама собой в евангельском контексте.

Таким образом, единственная возможная и необходимая революция — это внутренняя революция преображения человека. Однако не преображения человеком самого себя по собственной воле и произволу, а преображения человека с помощью Божественной благодати и в соответствии с Промыслом Божиим. Это есть абсолютная революция.

Итак, идея революции основывается на метафоре поворота, понятии разворота. Революция как онтологическая, метафизическая стратегия подразумевает поворот назад, обращение к истоку, возврат, возвращение к началу, отсылает к вечности. Архетип революции подчеркивает вертикаль, поворот вверх, подъем, восстание, взлет, вознесение, бессмертие.

Показательно, что понятие революции оказывается семантически близким с понятием религии. Термин «религия» происходит от лат. *ligo* («связывать, соединять, заключать»)³; от праиндоевр. **leig* («связывать»). Религия — это восстановление связи, воссоздание единства, возобновление единения.

Религия в монотеистическом смысле означает воссоединение, возобновление когда-то утерянного союза между человеком и Богом. То есть именно религия есть разворот, восстановление вертикали в бытии, великое возвращение и настоящая революция.

Христианство говорит о воскресении Христовом как центральном событии человеческой истории. Эта революция была невидима и непонятна для внешнего мира, но она превосходит всякую социальную революцию, так как действительно побеждает грех и смерть.

³ Дворецкий И. Х. Указ. соч. М., 1976. С. 593.

Христианство говорит и о грядущем воскресении мертвых как завершении человеческой истории, исполнении Божественного замысла о человеке и всем творении. Невозможно представить нечто более значимое и желанное, необходимое и необратимое для каждого человека и всего человечества в целом. Это будет последняя революция.